
В. А. Арутюнова-Фиданян

ДИПЛОМАТИЯ И ДИПЛОМАТЫ В «КАВКАЗСКОМ ДОСЬЕ» КОНСТАНТИНА VII БАГРЯНОРОДНОГО

Статья посвящена основным направлениям восточной политики Византии при трех императорах: Льве VI, Романе I и Константине VII на заключительных этапах арабо-византийского противостояния (разгром или подчинение арабских эмиратов в Армении) и постепенное присоединение к империи владений Багратидов.

Ключевые слова: Византийская империя, Армения середины X в., «Кавказское досье» трактата «Об управлении империей», Константин VII Багрянородный, армяне-халкидониты, методы византийской дипломатии, армянские дипломаты.

Кавказское досье — 43–46 главы трактата «Об управлении империей» (DAI I. P. 139) — чаще всего выступает как сумма фактов, используемых в ходе исследований по армянской и византийской истории. А между тем «Кавказское досье» является единым и особенным разделом этого трактата. 43–46-я главы явно выделяются в DAI своей актуальностью — это современный Константину политико-дипломатический справочник. Другие разделы трактата, в той или иной мере касающиеся административного устройства империи (гл. 14–42), по большей части не содержат современных реалий. Предположение авторов лондонского комментария, что большинство глав готовилось одновременно со сбором материала для труда «О фемах» (т.е. тогда, когда замысел Константина VII относительно трактата «Об управлении империей» не созрел окончательно), по-видимому, вполне возможно, так же, как и утверждение, что содержание этих глав фиксирует положение в империи до середины IX в. (DAI II. P. 2–5).

Напротив, главы 43–46 — это рассказ о тех политико-дипломатических и военных мероприятиях, которые начались при Льве VI (886–912 гг.), продолжались при Романе I Лакапине (920–944 гг.), Константине Багрянородном (945–959 гг.) и должны были послужить руководством к действию для его сына Романа (DAI I.

46/116–169). Досье отражает два приоритетных и взаимосвязанных направления восточной политики Византии при трех императорах: Льве VI, Романе I и Константине VII — усилия империи на заключительных этапах арабо-византийского противостояния (разгром или подчинение арабских эмиратов в Армении) и постепенное присоединение к империи владений Багратидов, союзников в арабо-византийских кампаниях.

«Кавказское досье» содержит не только многочисленные и разнообразные, но в большинстве случаев и уникальные сведения о Закавказье, позволяющие судить как о статусе политических образований Кавказского региона в IX–X вв., так и об их отношениях с Византийской империей. Широкий географический ареал «Кавказского досье» (от Тарона — на западе, до Ширака — на востоке и от владений ивирских Багратидов и Басена — на севере, до арабских эмиратов вокруг оз. Ван — на юге) и глубокий временной охват, а также системное изложение событий и их четкое датирование делают эту часть трактата важным и надежным историческим источником. В основе раздела лежат прежде всего документы: архивные сведения, донесения агентов из ведомства логофета дрома и специальных дипломатических агентов.

Согласно основной политической доктрине ромеев соседние страны (на востоке, как и на западе) должны были находиться под суверенитетом Византийской империи в пределах влияния Древнего (Первого) Рима, при этом святым долгом византийских императоров является возвращение утраченных владений. Однако положение Византии как «осажденной крепости» на протяжении VII–XII вв. предопределило осуществление этого долга не столько военными, сколько дипломатическими методами (Литаврин 1999).

Константин VII, в сущности, продолжал внутренний, и в особенности внешнеполитический курс Романа I: отношения с арабами, странами Запада, сербами и хорватами, печенегам, росами, а также с княжествами и царствами Кавказа. Политика Романа Лакапина признается успешной главным образом, потому что Роман I следовал ромейским обычаям и не отменял решений прежде царствовавших василевсов (в частности, Льва VI). Предпочтение мирных дипломатических методов военным прослеживается на протяжении всего трактата: Константин одобряет решение крещеных хорватов никогда не вести военных действий против своих соседей (31.31–42), осуждает нарушение мира с болгарами Юстином II (22.25–26) и т. п.

В конце IX в. арабы были значительно потеснены на малоазийских территориях, и Багратиды Ширака возрождают армянскую государственность и даже (пусть и ненадолго) — единое Армянское царство. Государственные образования, которые по мере упразднения арабского владычества появляются на территории Армении, были средневековыми монархиями.

Время становления армянского царства (60–80-е годы IX в.), и в особенности дата коронавания Ашота I Багратида, дискутируются в историографии, тем не менее очевидны каузальная и временная взаимозависимость первых удачных военных операций Византии на восточной границе (захват Тефрики, Запетры, Самосаты) и возрождения армянской государственности. Общие цели борьбы против Халифата, а после его распада — против эмиратов Сирии, Месопотамии, Армении, Атрпатакана обусловили сближение Армении с Византийской империей.

Ширакские Багратиды, азгапеты Багратидского дома провозгласили себя шаханшахами и сюзеренами всех армянских царств и княжеств. Ряд исследователей придерживается мнения, что феодальная раздробленность и сопровождавшие ее междоусобицы не исключали того, что армянские царства и княжества, объединенные этносом, языком и культурой, могли входить в своего рода феодальную федерацию.

Рост феодального партикуляризма, опирающийся на географическую изолированность, а главное на экономическую независимость областей Армении, привел к возникновению ряда политических образований. Их владельцы находились в вассальных отношениях разных форм с царем и другими нахарарами. При распаде какого-либо царства или княжества его частями обычно завладевали члены одной фамилии. Формально (а иногда и реально) они подчинялись азгапету — главе рода. Но институт азгапетов не покрывал всей сложности вассальных отношений в армянских царствах и княжествах. Эти отношения регулировались и формальными договорами. Некоторые исследователи полагают, что византийцы поэтому не рассматривали Армению IX–X вв. как единое государство и даже не считали армянские царства и княжества частями единого исторически сложившегося целого (Юзбашян 1986. С. 68–69). Этому заключению, однако, противоречит свидетельство гл. 48 трактата «О церемониях», где к названию каждой из областей: Коговит, Тарон, Мокк, Андзевацик, Сюник, Вайоцзор, Хачен — добавляется слово «Армения», подчерки-

вающее, что они являются частью Армянской страны (De cerim. Vol. 2. 48. P. 687). В середине X в. Византия строила свои отношения с каждым армянским государственным образованием в отдельности, но признавала при этом главенство царя Ширака «над всеми странами Востока» (44.23).

Государства, вовлеченные в орбиту византийской внешней политики, составляли определенное сообщество (βασιλεία, οἰκουμένη, πολιτεῦμα — Commonwealth Д. Оболенского (Obolensky 1971. P. 104–105, 114–115 sq.). Армянские царства и княжества были введены в это сообщество: система «духовных» родственных связей («братья», «сыновья» и «друзья» византийского императора) и система титулов, жалуемых императором его иноземным контрагентам. Эти титулы с византийской точки зрения не только представляли его носителя в международных отношениях, но и подтверждали его власть по отношению к собственным подданным и были использованы при присоединении Армении, начатом в X в. «Кавказское досье», по меткому замечанию Дж. Ховарда-Джонстона, отражает технические детали византийского «client-management» (Howard-Jonston 2000. P. 318).

Почетные титулы и дары были эффективными средствами византийской дипломатии («чтобы побудить к желанию подчиниться ромеям» — 43.86–87). Григорий (896–923) и Багат (923–?) Тарониты, владельцы Тарона, были назначены стратигами собственного домена, т. е. стали стратигами скорее в титулярном, нежели в должностном смысле (43.64–66, 150–153).

«Когда сам Крикорикий прибыл в богохранимый град и был почтен достоинством магистра и стратига Тарона, был дан ему и дом для жительства, называемый «[Домом] варвара»... Был почтен он также ежегодной рогой в десять литр золота и десять других литр в милиарисиях, так что в целом было двадцать литр» (43.64–69). «Апоганем [брат Григория Таронита. — В. А.-Ф.] вновь явился к блаженному василевсу и был возведен им в достоинство патрикия. Склонили его и к тому, чтобы взять в жены дочь упомянутого Константина [Липса]. Под этим предлогом он попросил также дом, получил и он “Дом варвара” без хрисовула» (43.72–76). Титулы протоспафария получили Ашот Таронит (незаконный сын Григория) и брат Григория Апоганем (43.51–53; 55–60). Сын Апоганема Торник, завещавший свою «хору» Византии, был возведен в ранг патрикия (43.139–140; 166–179). Ивирские Багратиды также получали титулы (куропалата, патрикия, магистра) (Арутюнова-Фиданян 1994. С. 26–28; 30–33).

Пожалование владений и титулов кавказским владетелям проходило в рамках «права прецедентов». Правовые казусы: пожалование льгот, земель, привилегий со стороны императора юридическому лицу — впоследствии подтверждались императорскими указами (хрисовулами или простагмами). Иными словами, возникало записанное право прецедентов, т. е. происходила легализация возникшего казуса (Хвостова 2009. С. 124). К.В. Хвостова подчеркивает ненормативность, неоднозначность и некоторую неокончателность записанного права прецедентов, а главное, необходимость регулярного подтверждения привилегий. Упоминание в хрисовулах о «вечном» статусе дарованных льгот — не более, чем риторический прием, не содержащий правовых гарантий (гарантии создавались только личными отношениями с императором, социальным статусом и авторитетом получателя привилегий) (Хвостова 2009. С. 131–133). Протоспафарий Чордванел, азат Давида Курополата, предъявил Константину копии хрисовулов Романа Лакапина в качестве правовых оснований на владение Басеном и крепостью Авник. Однако Константин заявил, что эти хрисовулы «не имеют никакой силы» (45.99–104), т.к. условия, на которых были даны императорские указы, не были выполнены Ивирскими Багратидами (45.164–175). Большая значимость права прецедентов определяется не только его ролью в юридическом оформлении социальной стратификации. В условиях отсутствия сословий и при вертикальной мобильности власти в государстве, получатели земель и льгот — хрисовуллаты — создавали элиту империи, и в этот разряд постепенно втягивались владетели кавказских земель, в которых была заинтересована Византия.

Ἰβηρία Константина Багрянородного в «Закавказском досье» — владение рода Ивирских Багратидов, их «Земля» (αἰχμή, χώρα), расположенная в областях Картли, Тайка, Кларджка (Кларджии, Холарзены), в Ачаре, Нигали, Артаане, Джавахети et cetera — т. е. на территориях, включенных еще К. Тумановым в armenio-georgian Marchlands (Toumanoff 1963. P. 498–499).

Текст «ивирских» глав (45, 46) «Кавказского досье» показывает, что при всей независимости представителей дома Багратидов Ивирии, постоянном дроблении их владений и перекройке их границ в нескончаемых междоусобицах, они воспринимали владения всех членов рода как «свою землю» (хору). Ивирские Багратиды угрожали Роману Лакапину двинуть свои войска против «самой Романии», «если твоя царственность... вступит в глубь

нашей хоры» (46.130–135). Эта общая «хора» делилась на «хоры», принадлежащие ветвям фамилии Ивирских Багратидов: Баграт передал свою «хору» сыновьям (46.8), а «хору» магистра Гургена родственники делят силой оружия (46.25–28). Давид не отдал свою «хору» василевсу, хотя она была расположена вблизи границ империи (46.117–119). Основная тема раздела, посвященного Ивирским Багратидам, — судьба крепости Артанудж и ее «хоры», которая «является ключом и к Ивирии, и к Авагии, и к мисхиям» (т. е. к Месхети) (46.46–48).

Договоры Ивирских Багратидов, заключенные с империей при самом Константине и его предшественниках, имели целенаправленный характер военного союза. Основные пункты договора процитированы в 45-й главе:

- 1) «хранить верность нашей царственности»;
- 2) «сражаться с нашими врагами, а друзей защищать»;
- 3) «подчинить восток нашей царственности, овладеть крепостями и совершать великие дела в угоду нам»;
- 4) только личные завоевания Ивирских Багратидов позволяют им присоединить новые земли к своим владениям;
- 5) совместные с ромеями военные походы оставляют вновь завоеванные территории в распоряжении империи;
- 6) империя гарантирует неприкосновенность границ владений Ивирских Багратидов (45.104–127).

Хрисовулы, приведенные в этом разделе, процитированы, по мнению С. Рансимена, *verbatim* (DAI II. P. 176; Comm. 45. P. 117–118). Нарушение условий этого договора любой из сторон могло привести к его отмене. Так, попытка передачи Артануджа его владельцем византийскому императору при посредничестве протоспафария Константина заставила других Ивирских Багратидов поставить под сомнение свою лояльность империи. Они угрожали перейти на сторону арабов, что и привело императора к решению дезавуировать миссию протоспафария Константина (46.128–148).

Договоры этого периода с Таронитами и Ивирскими Багратидами демонстрируют начальные этапы процесса перехода от союзнических отношений к вассальным, Византия тогда еще не могла подкрепить свои притязания военной силой, но только дипломатическим давлением. Полное присоединение Тарона к империи произошло позже составления трактата, попытки Византии проникнуть в Тайк и Кларджию при Романе I (920–944 гг.) и Константине VII (913–959 гг.) также не увенчались успехом, несмотря

на пожалование титулов династам, политические интриги и военное присутствие империи в регионе. Однако следует ли считать случайностью тот факт, что первыми землями, позднее вошедшими в состав империи, были Тарон (966/67 гг.) и владения Давида Куропалата Тайкского (1001 г.)?

Католикос Иоанн Драсханакертци (897–925 гг.) (Иованнес Драсханакертци 1986) — очевидец карательных походов арабов в Закавказье, феодальных междоусобиц и становления царства Багратидов, дальновидный политический деятель и одаренный писатель, только в Византии видел реальную помощь против арабов. Иоанн признает давнюю вассальную зависимость Армении от Византии, возобновленную царем Смбатом I (890–913 гг.) и его сыном Ашотом II Железным (914–929 гг.). Иоанн приводит в своей «Истории Армении» послание Константинопольского патриарха Николая Мистика, проникнутое состраданием к пастве Иоанна и славит в собственном послании Константина VII Багрянородного. Образ ромейского императора особенно лучезарен в сопоставлении с арабскими военачальниками, чье «смертоносное дыхание всех обдавало смертью» (Иованнес Драсханакертци 1986. С. 190–195).

Константин — император «великий и победоносный», «боголюбивый и благочестивый». Среди добродетелей, конституирующих идеальный образ «августейшего Константина», на одно из первых мест поставлено «попечение о просвещении». Иоанн восхваляет также «доброту» императора (Там же. С. 194), его «небесную мудрость» (Там же. С. 191, 194) и его «правосудие» (Там же. С. 191). В обобщенном императиве этого «царского зеркала» представлен содержательно и композиционно весь каталог императорских добродетелей, выработанных в Византии при Василии I, Льве VI и Константине VII. Не приходится сомневаться в точном знании Иоанном парадигмы идеального императора Македонской династии.

В послании Иоанна Константину VII «божественный Константин» «боголюбив» и «благочестив» и потому является «причиной духовного созидания племен и народов». Иными словами, Иоанну хорошо известна доктрина патриарха Фотия, получившая в современном византиноведении определение «политической ортодоксии»: согласованность императорской власти и православной церкви — условие благоденствия государства, обеспеченного таким порядком. Порядок (*τάξις*), одно из ключевых понятий в византийской системе ценностей, воспринимается Иоанном в каче-

стве перспективы и гарантии: «Пожалуйте моей [пастве] обитель мирной жизни, как то подобает Вашему августейшему, пышному, достохвальному и могущественному царствованию, избавив нас ныне от исмаильтян... ибо и мы — паства божия» (Там же. С. 195).

Иоанн Драсханакертци воспринял, таким образом, стержневые для империи идеологемы: божественное происхождение власти, концепцию «политической ортодоксии» (единство государства и Церкви) и корреляцию небесного и земного царств, понятие «порядка», концепцию «семьи правителей и народов». Им был усвоен также и комплекс византийских этно-политических представлений (Константинополь — Второй Рим, Романия — Восточно-Римская империя, ромеи — ее граждане).

Стремление ввести армянские земли в орбиту византийского политического влияния, логично сочетающееся с включением византийских идеологических ценностей в армянское общественно-политическое сознание, обусловило появление позитивного образа Византии — великого христианского государства, естественного союзника армян в борьбе с мусульманским миром и законного сюзерена Армянского царства (Арутюнова-Фиданян 1994. С. 95–102), что и определило активную провизантийскую деятельность армянских военачальников и дипломатов на восточных границах империи. Постоянная миграция армян в Византию (со времен персидских войн) усилилась в двухсотлетний период арабского присутствия в Армении. В X–XI вв. армянские аристократы занимают важное место в составе византийского господствующего класса. Служба в византийской армии и на гражданских постах империи и в особенности при дворе предполагает принятие армянами халкидонского символа веры. Культура армян-халкидонитов, являвшаяся синтезом армянской и греческой (позднее и грузинской) традиций на национальной армянской почве, была открытой культурой, и одной из основных тем армяно-халкидонитской идеологии становится сближение христианских конфессий (Арутюнова-Фиданян 1980. С. 77–89; Арутюнова-Фиданян 1994. С. 64–74; 78–92; Арутюнова-Фиданян 2005. 5–12).

Православные армяне «Закавказского досье», владевшие греческим языком, издавна принятом среди знати и клира халкидонитской общины Армении, органично вошли в состав византийской аристократии; некоторые из них были одинаково близки и к императорскому дому Византии, и к княжеским фамилиям Армении.

Титулованные дипломатические агенты, представители армяно-халкидонитской аристократии, которые именуется в DAI «переводчиками из армян», осуществляли *translatio* в самом широком смысле этого слова как «перевод» — «перенос» культур, обеспечивая не только их взаимовлияние, но и активное взаимопроникновение — точная метафора деятельности армян-халкидонитов.

В начале «Кавказского досье» упоминается термин «переводчик» (ճրմբւեւծ — 43.170; ճրմբւեւտիչ — 43.42, 137)¹ как обозначение посланцев императора, прибывших в Тарон с «письмами, дарами» и государственными заданиями. Этот термин обладает огромным культурным шлейфом и является одним из наиболее значимых понятий в истории армяно-греческих отношений. Армянская литература начинается с изобретения алфавита в начале V в., с переводов с сирийского (до 40-х гг. V в.) и греческого языков. Появляется плеяда переводчиков, труды которых направляли богословскую и литургическую жизнь церкви и обеспечивали религиозное и светское образование. Армянская Церковь в V в. причислила первых переводчиков к лику святых и учредила *Targmančac ton* — «Праздник переводчиков».

Грекофилы, получившие прекрасное эллинистическое образование, в совершенстве владевшие армянским и греческими языками, переводили памятники античной науки, философии и литературы, разрабатывая одновременно собственную научную и философскую терминологию. Они успешно участвовали в богословских и философских диспутах Христианского Востока. Первые переводчики в то же время являлись и основоположниками армянской литературы.

В сущности, 43–46-е главы DAI — это третий известный нам источник, написанный на греческом языке православными армянами. «Повествование о делах армянских» (VII в.) и «Типик Григория Пакуриана» (XI в.) — авторские тексты, в то время как раздел из DAI — это слегка отредактированный сборник докладов, донесений и служебных записок военачальников, разведчиков и дипломатических агентов из среды византийских армян, включенный в трактат Костантином VII. В тексте встречаются арменизмы, и в ткань повествования проникает живая традиция армянской речи (Арутюнова-Фиданян 2004. С. 19–26, 36).

¹ *ճրմբւեւծ* — *греч.* истолкователь, переводчик — вполне совпадает по смыслу с древнеармянским *targmanič* — переводчик, истолкователь (Армяно-русский словарь 1838. С. 427).

Первым посланцем империи в Тароне был «известный Синут, хартулярий дрома» (43.36–37). Синут — не личное имя, а скорее прозвище, указывающее на происхождение его носителя «из Сюника», т. е. он, возможно, принадлежал к поколению недавних эмигрантов (Adontz 1965. P. 221). Синут был чиновником ведомства дрома и ко времени миссии в Тароне достиг, очевидно, достаточно важного поста.

Феодор, «переводчик из армян», мог быть протоспафарием Феодором, сыном Баграта, который в трактате «О церемониях» упомянут как вербовщик армянских воинов для Критской экспедиции 911 г. (De cerim. Vol. 2. P. 657.21), возможно идентичен василику Феодору, сопровождавшему царевича Ашота в Константинополь (DAI II. P. 162).

Константин Липс был значительной персоной при дворе Льва VI, он построил монастырь (известный как Фенари) в Константинополе в честь прибытия в город Льва VI в июне 907 г. Липс был специальным представителем империи, установившим непосредственные контакты с правящим домом Тарона в конце 90-х годов IX в. [сопровождал в Константинополь сына Григория, его брата и самого Григория, собирався выдать свою дочь за брата Григория (43.73 — 74)]. В то время Константин носил титул протоспафприя и харпезикия. Позже он стал патриkiem и великим этериархом, принимал участие в заговоре Константина Дуки в 913 г., попал в немилость и погиб в битве при Ахелое в августе 917 г. (Howard-Jonston 2000. P. 326–327).

На Кавказе действовали Куркуасы и Криниты. В IX–X вв. ряд византийских полководцев и провинциальных наместников принадлежал к роду Куркуасов, в родстве с ними состоял император Иоанн I Цимисхий (969–976) (Каждан 1975. С. 13). Криниты также принадлежали к армянской знати (из Крни) и занимали значительные посты в империи в качестве наместников провинций и военачальников (Adontz 1965. P. 229).

Знание реалий и идеологем и тщательное изложение необходимых империи сведений, т. е. компетентность и добросовестность армянских информаторов Константина несомненны. Точность и скрупулезность при описании событий в Кавказском регионе, их строгая датировка (не свойственная, в общем, труду Константина Багрянородного) объясняется тем, что черновики, предоставленные августейшему редактору (или редакторам), были составлены непосредственными участниками событий.

Имперская ортодоксия гарантировала Константинополю лояльность его армянских дипломатов и переводчиков, а их принадлежность к армянскому этносу, языку и культуре давала им возможность ориентироваться в армянском мире с легкостью, не доступной их греческим коллегам.

В течение почти двух столетий (сер. X — втор. четверть XI в.) представители армяно-халкидонитских фамилий служили империи на ответственных постах (топархи, наместники провинций, военачальники) и обладали высшими титулами византийской таблицы о рангах (вестарх, вест, магистр, дука, севаст, патрикий, стратиг, катепан, проэдр, протопроэдр, протоновеллссим), среди них были полководцы и чиновники, земельные магнаты, ктиторы больших монастырей и дипломаты.

Эффективные результаты византийской дипломатии и активное сближение империи с Арменией усилиями армянских дипломатов — долгое время входили в разряд «загадок» армяно-византийских отношений. Среди них и почти бескровные передачи армянскими владетелями своих доменов империи, добавим к этому и еще одну загадку, которая осталась вне поля зрения арменоведов, но находится в том же ряду, что и добровольные передачи армянских царств и княжеств Византии — Армения, которая сотрясала мощными антиарабскими восстаниями на всем протяжении господства Халифата, не знает восстаний антивизантийских.

Известны, разумеется, многочисленные восстания византийских аристократов, в которых принимали участие и армянские владетели как часть знати империи, однако это были восстания против императоров, но не против империи (в пользу претендентов на трон) (Арутюнова-Фиданян 1994. С. 9–10).

Отметим также длительность почти столетнего движения Византии на армянские территории (966/67–1045), особенно разительную в сравнении с неожиданно быстрым захватом сельджуками всех восточных провинций; переселение армянских владетелей в Византию и в то же время назначение на ключевые посты в восточных провинциях представителей армяно-халкидонитской знати; противостояние византийской (диофиситской) и армянской (монофиситской) церкви и неожиданно частые сближения между ними, чуть ли не приводящие к унии и не могущие быть результатом только политических коллизий.

Нерешенность, а иногда и нерешаемость упомянутых выше проблем в рамках истории Армении и истории Византии де-

лает необходимым и актуальным исследование процессов в пространстве между двумя мирами, т.е. в армяно-византийской контактной зоне, создателями которой стали авторы записок, вошедших в «Кавказское досье», отредактированных Константином VII.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Армяно-русский словарь / Сост. А. Худобашев. М., 1838.
- Арутюнова-Фиданян В. А.* Армяне-халкидониты на восточных границах Византийской империи (XI в.). Ереван, 1980.
- Арутюнова-Фиданян В. А.* Армяно-византийская контактная зона (X–XI вв.). Результаты взаимодействия культур. М., 1994.
- Арутюнова-Фиданян В. А.* «Повествование о делах армянских» (VII в.). Источник и время. М., 2004.
- Арутюнова-Фиданян В. А.* Мнимые реальности богословской полемики в Армении IX в. // ДГ, 2003: Мнимые реальности в античных и средневековых текстах. М., 2005. С. 5–12.
- Иованнес Драсханакертци.* История Армении. Ереван, 1986.
- Каждан А. П.* Армяне в составе господствующего класса Византийской империи в XI–XII вв. Ереван, 1975.
- Литаврин Г. Г.* Геополитическое положение Византии в средневековом мире в VII–XII вв. // Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики. СПб., 1999. С. 11–47.
- Хвостова К. В.* Византийская цивилизация как историческая парадигма. СПб., 2009.
- Юзбашян К. Н.* Армянские государства эпохи Багратидов и Византия IX–XI вв. М., 1986.
- Adontz N.* Études arméno-byzantines. Lisbonne, 1965.
- De cerim — Constantine Porphyrogenitus.* De cerimoniis aulae byzantinae I–II. / E rec. J. Reiskii. Bonnae, 1830. Vol. II.
- DAI II — Constantine Porphyrogenitus.* De administrando imperio. L., 1962. Vol. II. Commentary by F. Dvornik, R.J.H. Jenkins, B. Lewis, Gy. Moravcsik, D. Obolensky, S. Runciman.
- DAI I — Constantine Porphyrogenitus.* De administrando imperio / Greek text ed. by Gy. Moravcsik, English translation by R.J.H. Jenkins. Washington, D.C., 1967.
- Howard-Jonston J.* The De administrando Imperio. A Re-examination of the text and a Reevaluation of its events about the Rus // Actes de Colloque International tenu au Collège de France en octobre 1997 / Ed. par M. Kazanski, A. Nercessian et K. Zuckerman. P., 2000.

Obolensky D. The Byzantine Commonwealth. L., 1971.

Toumanoff C. Studies in Christian Caucasian History. Georgetown, 1963.

Viada A. Arutyunova-Fidanyan

THE DIPLOMACY AND DIPLOMATS IN THE “CAUCASIAN DOSSIER” OF CONSTANTINE PORPHYROGENITUS

The “Caucasian dossier” — chapters 43–46 of the treatise *The Administrando imperio* — contains unique information about the imperial policy in Armenia (the weakening of Caliphate and annexation of the territories of the Armenian leaders — allies of the Empire in the struggle against Arabs). The Byzantine policy in Armenia was enforced mainly by diplomatic methods. Byzantine emperors donated estates, donations, and titles to Armenian leaders.

Constantine Porphyrogenus considered Armenian rulers to be vassals of the Empire, and included them in the system of “spiritual” and “family” relations (“sons” and “friends” of the Byzantine Emperor), and into the system of the highest titles accorded by the Emperor to his representatives. The “Caucasian dossier” accurately outlines geographical borders of the region, on which the Empire’s attention in the East is predominantly focused, and describes the final stages of the Arab-Byzantine confrontation.

The Armenian historiographers who were closely linked to the ruling houses and the top clergy of the country, desired to introduce the lands of Armenia into the sphere of Byzantine political influence. This aspiration logically interwove in their doctrine with the introduction of Byzantine ideological values into Armenian social and political thought. This doctrine determined the creation of a positive image of Byzantium as the only supporter of the Armenians in their struggle against the Muslim World and the legal suzerain of the Armenian Kingdom. The information on Caucasian matters in the treatise is characterized by accuracy and precision because it was provided by immediate participants of events — Armenian-Chalcedonians at the service of the Byzantine Empire. The imperial orthodoxy guaranteed for Constantinople the loyalty of its Armenian diplomats, military leaders and interpreters, while their belonging to the Armenian nation, language and culture made it possible for them to orient themselves in the Armenian world with ease unattainable for their Greek colleagues. Armenian aristocracy, naturally incorporated into the Byzantine ruling class (the milieu from which Constantine’s advisers originated), represents a phenomenon of synthesis, the result of interaction and mutual influence of the two worlds and the two cultures.

Keywords: Byzantine Empire, Armenia in the middle of the 10th century, “Caucasian dossier” of the Constantine VII Porphyrogenitus, armenian-chalcedonians, byzantine diplomacy, armenian diplomats.

DOI: 10.32608/1560-1382-2020-41-158-170